

Нина Левина

Фото на партбилет

Этот случай произошел со мной сразу после окончания института, как только я приступил к работе инженером-звукотехником в кинотеатре. Отец отчима, дед Жора, начал настойчивую кампанию по моей обработке на немедленное вступление в партию.

— Ты молодой советский инженер, — каждый вечер начинал он крутить свою пластинку, — а партии нужны перспективные свежие кадры. Ты несешь культуру в народные массы, а с мудрой партийной поддержкой будешь делать это правильно и более успешно. — И так далее в том же духе.

Но так как в студенческие годы я был активным комсомольцем и при этом успел поработать внештатным сотрудником ОБХСС и уголовного розыска, то мне неоднократно доводилось принимать участие в арестах и задержаниях членов партии. Поэтому я обычно парировал деду:

— К чему это? Я уже повидал немало проходимцев и среди партийных работников!

— Тем более! Такие люди, как ты, нужны нам! вступишь в партию и сможешь очистить ее от несознательных элементов! — продолжал гнуть свое дед.

Что-что, а уговорить вступить в партию дед Жора мог даже мертвого. Аккуратный седой старичок всю жизнь преуспевал на этой ниве. Его карьера неразрывно была связана с партийной работой, к нему относились с уважением и назначили главой комиссии по приему в партию одного из райкомов столицы.

Как говорится, вода камень точит. Так и постоянные увещевания деда Жоры сделали свое дело. Я подумал: «А что? Действительно, надо вступить в партию. Я молодой и

перспективный инженер. Опять же, и в карьерном росте это может пригодиться, и с проходимцами изнутри бороться легче». Решено! В один прекрасный день я надел чистую белую рубашку, отутюженные брюки, тщательно причесался и в приподнятом настроении отправился в свой райком, где, как мне казалось, меня тут же встретят с распростертыми объятиями и непременно похвалят за примерное рвение.

В райкоме мне указали кабинет, в котором проводился прием документов от кандидатов на вступление. В кабинете, с трудом вмеща в кресло заплывшее жиром от нервной работы тело, сидел человек, в руках которого оказалась моя дальнейшая судьба и мои же документы. Я не помню точно фамилию, но можно условно назвать его — товарищ Кондратюк.

Товарищ Кондратюк долго просматривал мою анкету, иногда бросая на меня подозрительно неодобрительные взгляды. После третьего такого взгляда мое приподнятое настроение начало медленно испаряться, и я занервничал, не понимая, что же в кристально чистой биографии может вызвать такое неодобрение.

Наконец товарищ Кондратюк отложил в сторону бумаги и, тяжело отдуваясь, спросил:

— Так кем, молодой человек, работаете?

— Инженером в кинотеатре.

— Инжене-е-ером! — презрительно протянул товарищ Кондратюк. — Интеллиге-е-ентишко! А партия у нас чья?

— Чья? — не понял я вопрос.

— Партия у нас рабочих и крестьян, то есть пролетариата. А не интеллигентов разных. С вами хлопот потом не оберешься! Не-ет, молодой человек! Партии нужны пролетарии! И точка! Так что забирайте ваши документики, такая кандидатура нам не подходит!

Горькая обида застилала мне глаза. Больше ни о чем не спрашивая, я сгреб свои бумаги и пулей выскочил из райкома.

Вечером я, как мог, отвязался на деде Жоре.

— Партии нужны молодые и перспективные, говоришь?! — кричал я, размахивая руками перед дедом. — А мне сегодня твоя партия в лице товарища Кондратюка вот такенный кукиш показала. «Инжене-е-ер!» — передразнил я товарища Кондратюка. — Мне впервые стыдно стало, что я высшее образование получил! Оказывается, раз у меня на руках мозолей нет, так я жалкий интеллигентишко!

Дед все терпеливо выслушал и ничего не сказал. Только с утра надел свой парадный костюмчик и куда-то отправился. Я же быстро позавтракал и помчался на работу.

Аккурат перед обедом забегает ко мне киномеханик и говорит:

— Сережа, выйди на минутку, там к тебе пришли.

Выхожу. Стоит мой дед Жора в костюмчике, меня дожидается. Увидел меня и говорит:

— Сережа, сейчас же срочно беги в свой райком партии к товарищу Кондратюку. Он тебя ждет.

— Что? — возмутился я. — К этому борову толстому? Я у него вчера был, не пойду больше.

— Сережа, не дури! — прикрикнул на меня дед. — Скандально — срочно и ждет.

Делать нечего, отпросился я с работы на пару часов и помчался в райком. Захожу в знакомый кабинет, и что я вижу! Товарищ Кондратюк при виде меня расплылся в нежнейшей улыбке. Он, бедняга, еле вытащил себя с обоих боков из кресла и всей колышущейся массой бросился мне навстречу.

— Сергей, проходите, пожалуйста! — заявил он, трясая меня за руку. — Ну как же так? Такое недоразумение вчера! Надеюсь, вы забудете этот нелепый инцидент? Что же вы сразу не сказали, что у вас такой поручитель? Нехорошо получилось. — Он захихикал, а потом перешел на деловитый тон. — Так, у нас очень мало времени! Нужна срочно ваша фотография на партбилет!

— Но у меня сейчас нет, — бормотал я растерянно, обескураженный таким неожиданным приемом. — Я могу на днях сделать и занести.

— Ни-ни-ни, — энергично замотал он головой. — Никаких «на днях»! Сегодня же! Срочно! С меня спросят! Здесь на соседней улице есть фотоателье, там быстренько сделаете — и ко мне!

— Так у меня даже белой рубашки нет. И галстука! — пробовал я возражать. — Я в цветной рабочей тенниске!

— Не проблема! — воскликнул товарищ Кондратюк. — Я сейчас дам вам свою. И галстучек тоже.

На моих изумленных глазах товарищ Кондратюк, тяжело дыша и пугаясь толстенькими пальцами в пуговицах, начал снимать свою рубашку. Разоблачившись, он остался в майке, а я, сняв свою тенниску, замотался в его белую рубаху, при этом став слегка похожим на привидение. Воротничок рубахи застегнулся чуть выше солнечного сплетения. Кое-как я подтянул его повыше, затянув галстук. Я еле сдерживался от смеха, представляя себя бегущим в таком виде по улице в поисках фотоателье. Но, взглянув на уважаемого партийного работника, сидящего за внушительным столом в одной майке, сдержаться не смог и нервно хихикнул.

— А как же вы в таком виде? — поинтересовался я.

— Ничего, для всех остальных у меня сейчас обед. — Товарищ Кондратюк судорожно сглотнул. — Но вы нигде не задерживайтесь!

Я пулей выскочил из райкома и на всех парусах развевающейся рубашки помчался на соседнюю улицу в фотоателье. Я точно не знал, где именно оно находится, но, выскочив из-за угла, сразу же выхватил взглядом слово «ФОТО» на большой вывеске, висящей над массивной дверью. Туда я и ворвался вихрем. В ателье никого не было. За конторкой приема заказов сидела дородная дама характерной наружности — вылитая моя бывшая учительница Раиса Моисеевна.

Она медленно подняла на меня пронизательные глаза, округлившиеся от удивления.

— Что у вас случилось, молодой человек?

— Мне нужно срочное фото на партбилет! — выпалил я.

— Что-что вам нужно?! — Дама с нескрываемым любопытством посмотрела на меня в упор.

— Срочное фото на партбилет.

Дама сначала затряслась в мелком смехе, а потом живенько развернулась дородным бюстом на сто восемьдесят градусов и громко закричала резким голосом:

— Яша! Яша! Скорей иди сюда! Ты должен это слышать своими ушами!

Из темного помещения позади дамы выскочил взъерошенный долговязый фотограф Яша.

— Смотри сюда, — дама говорила с трудом, захлебываясь от смеха, — этот молодой человек хочет, чтобы ты сделал его фото.

— Чье?! — удивленно переспросил Яша, поправляя очки на крупном носу.

— Мое, конечно, — пожал я плечами, недоумевая, чем мог привести даму в такое веселье.

Яша всплеснул руками:

— Первый раз за мою жизнь клиент приходит сам! Вы костюмчик себе сами подбирали? — И, не дожидаясь моего ответа, спросил: — А вам на металле, граните или эмали?

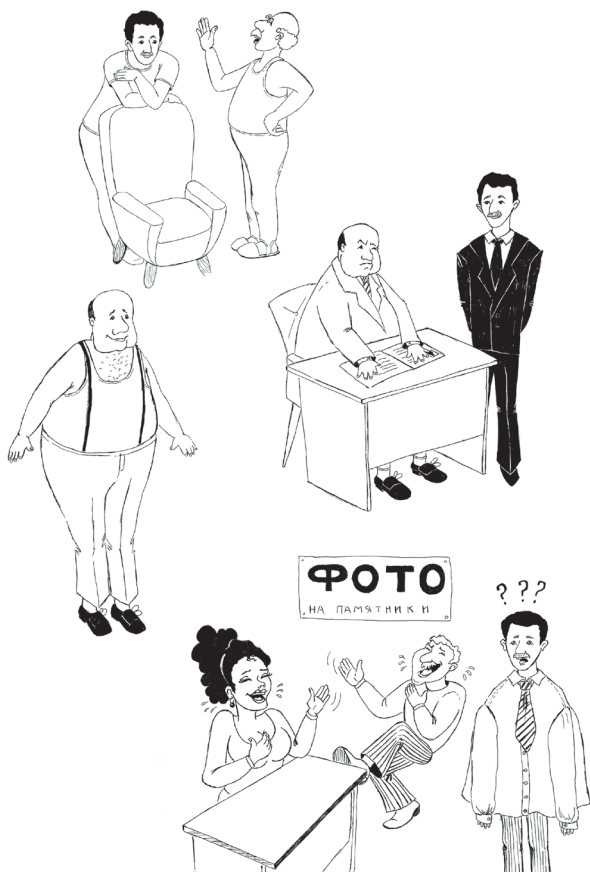
— На каком еще металле?! — воскликнул я. — Мне — на партбилет!

Дама и Яша переглянулись и захохотали уже вдвоем, захлебываясь, с оханьем и вытиранием слез. Наконец Яша первый пришел в себя и, прерываясь на легкие всхлипывания, сказал:

— Так это вам, молодой человек, на ту сторону улицы. Вы немного не туда пришли. И немного не вовремя. — Он снова зашелся смехом.

Но я уже выскочил на улицу, и, действительно, напротив, на другой стороне улицы красовалась вывеска «Фотоателье». А куда ж тогда я сейчас заходил? Я развернулся и прочитал вывеску, висящую над входом. Крупными буквами было написано слово «ФОТО», и под ним более мелкими внизу значилось «на памятники: на металле, граните, эмали. Быстро и качественно!»

Так «триумфально» началось мое вступление в партию. Все. Занавес.

Нина Левина
Про «Тихий Дон»
и прививку от жадности

Будучи студентами, в семидесятых годах прошлого столетия, мы с друзьями неоднократно подрабатывали летом проводниками. Я предпочитал длинные, выгодные рейсы типа Киев-Караганда, но однажды согласился на уговоры одноклассника Гриши взять рейс в Ростов-на-Дону, чтобы посмотреть на прославленную Шолоховым реку.

— Серега! Нам обязательно надо побывать на Дону! — уговаривал меня Гриша. — Шолохов! «Тихий Дон»! Знаменитая река! Поехали! Когда еще такая возможность представится?

И я согласился. Действительно, почему не съездить, на Дон не посмотреть?

Прибыли мы в город поздно вечером, уже стемнело. Поезд отогнали в отстойник за несколько километров от вокзала. И надо же такому случиться: отстойник для поездов был прямо на берегу величавой реки, увидеть которую мы так стремились.

— Серега, айда купаться! — Гриша подпрыгивал от нетерпения. — Когда еще выпадет такой случай?

Купаться так купаться! Что мы, зря за тысячу километров ехали? С разбега бултыхнулись в темные воды Дона и поплыли. Плыдем, радуемся, руками загибаем.

— Представляешь, Серега? — кричит мне Гриша. — Мы с тобой в Дону плаваем! В знаменитом! Будет что вспомнить и в Киеве рассказать!

А я вдруг перестал вслушиваться в то, что Гриша мне кричит. Я почему-то начал активно принохиваться.

— Гриша, — говорю, — а тебе не кажется, что запах какой-то странный?..

— Вечно ты ко всему придираешься! Теперь тебе Дон не угодил! — возмутился Гриша. — Хотя... Запах какой-то есть... Водоросли, наверное, — предположил он и тоже засопел, принюхиваясь.

И тут в неровном свете луны и далеких отблесков фонарей отстойника я заметил, как мимо меня что-то проплыло, слегка покачиваясь... Потом еще что-то... И я с ужасом понял, что это куски фекалий. Всмотревшись внимательнее в расстилавшуюся гладь знаменитой реки, я заметил множество таких же качающихся на поверхности предметов, а у самого берега разглядел широкую трубу, из которой продукты жизнедеятельности большого города стекали в величавую легендарную реку...

Надо было видеть и слышать, как мы с Гришей орали и гребли к берегу! Мы побили все рекорды скоростного плавания. Мы почти бежали по воде! Ворвавшись в свой вагон, спустили на себя всю воду из баков и извели все мыло, отмываясь от запахов Дона... Отныне ореол романтики «Тихого Дона» Шолохова померк для нас навсегда в изысканном аромате городской канализации.

Позже, уже в институте, я еще долго Гришу подкалывал. Подойду, бывало, к нему, принюхаю и говорю:

— Как от тебя интересно пахнет сегодня!

— Одеколоном? — спросит ничего не подозревающий Гриша.

— Нет, известным тебе Доном... Может, скатаем? Скупнемся?

В другой рейс напросился со мной одноклассник, волейболист Алик.

— Серега, ты, говорят, неплохо в проводниках устроился. Хорошие деньги зарабатываешь. Возьми к себе на-

парником, я тебе помощником буду, а ты меня всему научишь.

После долгих упрашиваний Алика я согласился, хотя одному мне было легко устраиваться на выгодные рейсы, а для двоих выбор резко сужался. Нас взяли на короткий рейс Киев-Херсон, ночь туда и ночь обратно. Но направление было южное, а значит, в плане «зайцев» вполне перспективное. Проводников катастрофически не хватало, и на два вагона нас было трое: мы с Аликом, временщики, и тетка, проводница из постоянного состава.

Женщине было лет под пятьдесят, она категорически заматала головой, когда я начал ей излагать свое видение заработка на «зайцах».

— Ой, нет, хлопцы! Я с «зайцами» боюсь связываться. У нас ревизоры джуже строгие — если на чем поймают, отправят на штрафные работы на мусорник!

— Значит так, мать, нам мусорные работы не страшны! — убеждал я ее. — Мы — студенты! С нас взятки гладки. Давай так: забирайся на верхнюю полку и лежи там весь рейс, книжку читай, кроссворды разгадывай. А мы берем «зайцев» и ревизоров на себя. Если что — ты не при делах!

Так и договорились. Тетка взобралась на верхнюю полку, и мы с Аликом начали шуровать в двух вагонах. В «зайцах» недостатка не было, денежки текли рекой. Алик радостно постигал науку работы проводником, а зашедшие к нам ревизоры проследовали в следующие вагоны с довольными улыбками на лицах.

Все заработанные деньги мы с Аликом сносили в купе, где возлежала наша тетка проводница, и отдавали ей на хранение, чтобы они у нас не торчали из карманов. Не мешающая напарница радостно складывала купюры в надежное место — за пазуху. К концу поездки размер груди нашей тетки заметно подрос размера на два.

Наконец рейс подошел к завершению, до Киева оставалось часа полтора езды. С «зайцами» было закончено, настало

время поделить «честно заработанные непосильным трудом» денежки. Мы зашли в купе к нашей проводнице, и я сказал:

— Ну, мать, доставай выручку, будем делить деньги на троих!

Проводница вытаращила на меня глаза:

— Яки гроши? Ничего не знаю!

— Как это ничего не знаешь? Ты так не шути! Весь рейс отдыхала, а мы вкалывали. Деньги приносили тебе на хранение. Доставай! Мы же на всех делить будем! Тебе — одна треть. — Я наивно пытался что-то ей объяснить.

— Сраку вам собачью, а не гроши! — выкрикнула тетка, встав в позу и уперев руки в бока. — Ничего не дам!

Мы с Аликом оторопели. Оба опытные спортсмены, но драться с женщиной, а тем более лезть к ней за пазуху мы не могли. Даже в голову такое не приходило. А тетка стояла, вытаращив на нас глаза, полные крысиного блеска. Здравый смысл в них затмили водяные знаки денежных купюр. Я подошел к ней вплотную и спросил ровным спокойным голосом:

— Ты хорошо подумала?

— Сказала — не дам! Знать вас не знаю! — выпалила тетка.

— Хорошо, ты сама так решила. Не жалуйся потом. Алик, пойдем. — Я вывел ошалевшего приятеля во второй вагон.

— Вот так заработали! — Алик от обиды поджал губы. — Что будем делать?

— Как что? Учить жлобиху! — Я посмотрел в окно на проносящиеся мимо столбы, поля и дороги. — Открывай окна и двери и выбрасывай все из вагона!

Я первым раскрыл окно, схватил постельное белье и начал вышвыривать его из вагона. Белыми лебедями полетели простыни и наволочки, цепляясь за придорожные столбы и трепеща на ветру, словно флаги капитуляции. Следом за бельем в окна шмыгнули одеяла и подушки; мелодично звякнули, вываливаясь, стаканы и подстаканники, спикировали вилки и выпорхнули занавески. Когда мы выпихивали последний матрац, в вагон вбежал запыхавшийся бригадир поезда.

— Хлопцы! Вы шо творите?! — заорал он. — Караул! Там все пассажиры прилипли к окнам! Я вперше такое бачу!

— Спроси у своей проводницы, — ответил я, и матрац благополучно нырнул следом за своими собратьями.

Через минуту ворвалась проводница и замерла от изумления, увидев девственно чистый вагон, словно только сошедший из заводского цеха. Ни одного матраца, ни одного одеяла, ни одной занавески — совершенно пусто! Временное наваждение, навеянное денежными купюрами за пазухой, постепенно исчезало из ее глаз, уступая место здравому ужасу.

— Ой, хлопцы! — закричала тетка, ломая руки. — Пробачьте меня! Шо ж я натворила, дура старая?!

Денег мы у нее, конечно не взяли. Гордые сошли в Киеве. Надеюсь, содержимого ее пазухи хватило на то, чтобы оплатить эту «прививку от жадности». Хотя вряд ли.

Марат Валеев

Крик в ночи

— Лев Михайлович! — представился мой сосед в санатории «Красноярское Загорье». И зачем-то добавил: — Майор в отставке.

— В каких войсках изволили служить, товарищ майор? — спросил я. Товарищ майор сообщил, что он артиллерист, был начальником вооружения.

Представился и я, порадовав соседа, что тоже офицер в отставке. Правда, всего лишь лейтенант. Но старшой.

— Вот и чудненько! — ласково сказал Лев Михайлович, отечески глядя на меня с высоты своего майорского положения. — Надеюсь, будем жить дружно?

— А отчего же не пожить? — не менее дружелюбно ответил я соседу.

Пока туда, сюда — наступил вечер. Сходили на ужин, посмотрели телевизор, дружно поругали надоедливую рекламу. Стали отходить ко сну. Михалыч (условились, что я буду называть его так) как бы между прочим сказал:

— Слышь, старшой, я ночами того... иногда разговариваю. Раньше спал молча, а вот года два как стал разговаривать во сне.

— Да ради бога! — успокоил я его. — Может, чего интересного расскажешь.

Слышу, Михалыч почти тут же захрапел. Не заметил, как заснул и сам — день был утомительным, одна пятичасовая дорога на автобусе от Красноярска чего стоит.

И снится мне... И снится такое, что даже неловко об этом говорить. Но тут я буквально подлетаю на своей кровати от оглушительного рева:

— К-куда? А ну назад! Смир-р-рна-а!

Сделав руки по швам еще в воздухе, я опять рухнул на кровать. Она, и без того расшатанная, жалобно взвыла всеми своими сочленениями. Дрожащей рукой нашарил пимпочку ночника и включил его. Михалыч сидел на кровати и строго смотрел на меня невидящими глазами. Я понял, что он продолжает спать.

— Я кому сказал? А ну, подойди ко мне! — так же громогласно потребовал майор.

— Да пошел ты! — рывкнул я в ответ и потянул из-под головы подушку, чтобы привести его Михалыча в чувство. Но Михалыч вдруг часто заморгал и с удивлением спросил:

— А ты почему не спишь?

От возмущения я захватал ртом воздух, не найдя что сказать. Да и что тут скажешь, если человек, похоже, абсолютно не знает, что с ним происходит во сне. Или знает, но ничего с этим поделать не может.

— Спи давай! — ворчливо сказал майор, откинулся на подушку и тут же захрапел.

У меня, естественно, ни в одном глазу. Взял книжку, тупо стал перебегать глазами со строчки на строчку. Прошло пять минут, десять... Михалыч продолжал мирно похрапывать. «Может, все на сегодня?» — с надеждой подумал я. Но заснуть не мог — разболелась голова. Полез в прикроватную тумбочку за таблетками.

— А ну, поставь ящик обратно! — скомандовал мне кто-то в спину, и я от неожиданности чуть не сел на пол. Оглянулся — Михалыч полулежал на постели, облокотившись на подушку и, как и в первый раз, открытыми, но невидящими глазами строго смотрел на меня. — Ишь, повадились таскать тушенку! Где накладная?

«Ага, понятно, какой ты начальник вооружения! — смекнул я. — Продскладами ты командовал, а не снарядами». Сам же смиренно сказал Михалычу:

— Есть поставить ящик на место, товарищ майор!

— То-то же, — удовлетворенно сказал Михалыч, упал на подушку и захрапел.

В эту ночь мне пришлось вставать еще раз — под утро я оттащил Михалыча от выхода на балкон: оказывается, он собрался в туалет, да перепутал двери. Представляю, какую бы он сделал кучу, шлепнувшись с восьмого этажа!

А утром, когда я рассказал майору, чего он вытворял ночью, тот мне не поверил. Но задумался. Я же, не позавтракав, устремился к администраторше с просьбой отселить меня от горластого лунатика куда подальше. По возможности — в отдельный номер, за очень дополнительную плату. Но накануне случился массовый заезд отдыхающих, и все номера оказались забиты под завязку.

Ну, думаю, ладно, потерплю. А пока пошел в аптеку и попросил чего-нибудь успокоительного. Без рецепта, разумеется, мне ничего не дали. Но посоветовали купить беруши — ушные затычки из мягкой резины. В следующую ночь я улегся спать с заткнутыми ушами. Да что толку — опять проснулся от вопля Михалыча, хотя и несколько приглушенного благодаря берушам. В этот раз бравый старик с кем-то дрался во сне: сидя на кровати, махал кулаками и громогласно издавал боевые кличи. И тут меня осенило. Михалыч, даже если он интендант, но все же военный, и субординация, воинская дисциплина для него не должны быть пустым звуком. Надо попробовать пробиться к его сознанию с этой позиции. И я зычно скомандовал:

— А ну, тихо, майор! Перед вами генерал! Руки по швам, и чтобы ни звука мне до утра! А то сделаю из тебя капитана!

— Есть, товарищ генерал! — сдавленным голосом ответил Михалыч. Он вытянулся на кровати, сделал руки по швам и негромко, деликатно засопел. И в эту ночь уже не будил меня своими дикими криками.

Утром я спросил майора:

— Ну как тебе спалось, Михалыч?

— Ты знаешь, кошмар снился, — пожаловался Михалыч. — Будто вызвал меня к себе на ковер наш командир

дивизии, генерал-майор Семисынов, и такого фитиля мне вставил, что до сих пор жутко. А за что — так и не сказал!

Я не ушел из номера: подобранный мной к отставному майору ключик действовал безотказно. Как только Михайч засыпал — а он засыпал всегда первым — я командовал ему от имени неизвестного мне генерала Семисынова вести себя ниже травы, тише воды — и отставной майор обиженно и тихо, а главное, бессловесно сам спал всю ночь и мне давал высыпаться. Так что расстались мы почти друзьями.

Юлия Чаглуш

Подарок

Обычно счастье в мою жизнь врывается с гиканьем и цветными цыганскими плясками. Оно с ноги распахивает входную дверь и кружит меня в диком хороводе страсти и безумств. Завораживает, опьяняет, сводит с ума и просит остаться жить навечно. Я соглашаюсь, но при условии, что оно будет тихим и ласковым, иначе не выдержу такого напора и свихнусь. Счастье успокаивается, поудобнее устраивается в уголке и наблюдает за нами, изредка подавая голос, если вдруг ему кажется, что мы про него забыли. Эта схема меня вполне устраивала. До одного памятного дня...

Рабочий день уже подходил к концу, когда внезапный звонок на мобильный прервал бег в колесе.

— Зайди на минутку, серьезный разговор к тебе имеется, — голос шефа был вкрадчив и опасно ласков. Прокрутив в голове сто и один вариант развития событий — от повышения до увольнения — и не найдя поводов для последнего, решительно шагнула навстречу Судьбе.

— Вызывали? — с деланной уверенностью спросила я, просунув голову в директорский кабинет.

— Нет, блин, автоответчик сработал, — попыталось пошутить руководство, вставая из-за стола. — Заходи — не бойся, выходи — не плачь.

— Ну и шуточки у вас, Акакий Евстафьевич, — неубедительно попыталась я сделать комплимент и вошла в кабинет вся.

— Так, давай к делу. — Шеф был настроен решительно. — Я приготовил для тебя подарок.

— Ого! Вот это новость! Вы выписали мне премию или увольняете, наконец, из этого дурдома? — прощупала я почву.

— Ни то, ни другое. Сейчас достану, обалдеешь от счастья! — Босс одарил меня лучезарной улыбкой и полез под стол.

Не успела я додумать всякие гнусности на тему того, что именно может достать руководство и за сколько минут я смогу добежать до канадской границы, как шеф вынырнул из-под стола с... переноской для животных. Внутри которой было подозрительно тихо.

— Это что такое? — севшим от переживаний голосом просипела я.

— Подарок! Да не бойся, он не кусается. Открывай! — Начальник от нетерпения пританцовывал на месте.

Ослушаться руководства — себе дороже. Я подошла и открыла дверцу. Внутри лежал маленький мохнато-серый комоч шерсти.

— А-а-а! — заорала я дурниной. — Мы-ышь!

— Не ори, секретаршу разбудишь! — гневно шикнул шеф. — Какая, к черту, мышь? Это котенок.

В это время «мышь», проснувшись от моих воплей, сладко потянулся, зевнул, открыл глаза и вывалился из переноски на стол, жалобно пищая.

— Господи, жуть какая! — не сдержала я эмоций.

— Сама ты жуть, — обиделся начальник. — И вовсе не какая, а какой. Это мальчик.

— У меня уже есть мальчик. Даже два. Акакий Евстафьевич, родненький, ну почему именно я пала жертвой вашей милости? В чем мой косяк? Можно меня просто поругать и отпустить с миром? — взмолилась я.

— Нет. Считай, что это премия! — шеф был неумолим.

— А можно я возьму деньгами?

— Какая же ты меркантильная, тьфу на тебя! Давай, лови его, забирай домой и люби.

— Мое сердце занято. Там муж и сын. И у меня так-то полная семья, я в котах не нуждаюсь, — сопротивлялась я из последних сил.

— Ребенку нужно расти с домашними питомцами. Тебе это любой психолог скажет, — не сдавался шеф.

— А психолог не уточнял, как не сдохнуть от такого количества любви?

— Хватит пререкаться. Смотри, какой славный. На мою Динупохож. — Сэтими словами начальник заграбастал котенка своей могучей лапшей и чмокнул его в черный нос. — Представляешь, Динка моя, паразитка, загуляла с дворовым, вот и получилась гремучая смесь. Полубританец-полуголодранец! — Хохотнув, шеф протянул мне серый клубочек.

Я осторожно взяла в руки плод кошачьей страсти.

— Вот мне интересно, почему гуляла Динка, а расплачиваться должна я, совершенно невиновная женщина? — осматривая страшное, мохнатое существо, произнесла я задумчиво.

— Нет в мире справедливости, смирись, — философски заметил шеф.

— А можно хотя бы мужа подготовить? — рассеянно поглаживая пищащий комок шерсти, промямлила я.

— Радость должна быть внезапной. Муж у тебя кто? Военный? Он закаленный, справится с внезапно обрушившимся на него счастьем. С тобой же справился.

— Он бывший военный, — вздохнула я.

— Бывших военных не бывает, — шеф оставался непреклонен.

Стало совершенно ясно, что уйти без котенка не удастся. «Терять мне нечего, — рассудила я. — Поэтому, как говорится, была не была...»

— А можно я хотя бы его в вашу честь назову?

— Ага, разбежалась! Чтобы ты минимум три раза в день орала: «Акакий, иди жрать, скотина!» или, что еще хуже: «Акакий, ты опять нассал в тапки?» Обойдешься, — насупился мой начальник. — У кота должно быть нормальное имя. Барсик, например.

— Нагложоп — тоже неплохой вариант, — вяло парировала я.

— Ну, это вы там уже сами разберетесь. Как говорится, дело-то семейное. Все, идите. Переноску не забудь. Завтра вернешь. Мне еще троих надо осчастливить. Да, вот еще что: день рождения у него 12 апреля!

— Ну что ж, поехали, Гагарин недоделанный, — сказала я котенку, кладя его в переноску. — А вы, Акакий Евстафьевич, передайте своей блуднице мое искреннее неодобрение!

Прежде чем попасть в родной дом, нам с новоявленным питомцем пришлось покружить по району в поисках зоомагазина, чтобы купить ребенку все необходимое. Супруг, открывший дверь, замер на пороге в изумлении. На него смотрела нелепая инсталляция, лишь отдаленно напоминая жену. На месте лица — пакет с кошачьим кормом, вместо ног — мешок с наполнителем, левая рука нервно сжимает сверток с кошачьим туалетом, а в правой болтается переноска, из которой доносятся зловещие, заунывные звуки. То еще зрелище, согласна. Но мой благоверный — офицер запаса, поэтому мгновенно оценил ситуацию, сделал правильные выводы и по-быстрому освободил супругу из плена кошачьего инвентаря.

— Мы, конечно, планировали ребенка, но я не думал, что ты поймешь меня настолько превратно, — поздоровался муж.

— Бойся своих желаний, они имеют свойство сбываться, — нервно хихикнула я.

Мы позвали сына, кратко обрисовав ему ситуацию. Отрок обрадовался чрезвычайно и тут же захотел лицезреть нового члена семьи. Отец семейства осторожно открыл щелкodu, и... повисла мхатовская пауза.

— Ну и жуть! — выдохнули мои мужчины в один голос после трехминутного молчания.

— Не плагиатствуйте. Я первая это сказала, — вздохнула я.

— Напомни, как зовут твоего шефа? — спросил любимый.

— Акакий Евстафьевич.

— Так ему и надо, — позлорадствовал супруг. — Слушай, а чем кормить-то наше пополнение?

— Может, оно человеческими жертвами питается? — встрял сын.

— Не лъсти ему. Нервами человеческими оно питается. И разнообразным сбалансированным кормом. В рационе в необходимой концентрации должны присутствовать незаменимые кислоты, витамины, макро- и микроэлементы, необходимые для нормального роста, развития и физиологического состояния. Что вы на меня так смотрите? Я это на пакете прочитала.

— Блин, я так не питаюсь, — грустно вздохнул муж.

В этот момент котенок вылез из своего временного жилища, потянулся и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, пошел осматривать свой новый дом.

— Вот же ж Акакий, прости господи! — воскликнул сын, глядя ему вслед.

— Шеф просил не упоминать его имя всуе. Но кличку этому страшилищу дать надо. Какие будут предложения? — взяла я инициативу в свои руки.

Спорили мы жарко и долго, перебрав все известные имена, включая старославянские, такие как Ярожор, Вуглусрат и даже Лютодрав. Но все это было не то. Обессиленные, мы валялись на диване, и тут муж подскочил как ужаленный:

— Я понял, как его зовут! Жуть! Ну ведь правда, гляньте на него! Точно — Жуть!

Мы с сыном пристально посмотрели на играющий с резиновой мышью лохматый клубок, из которого задорно торчал тощий хвост, переглянулись и... Так у нас в доме появился кот по кличке Жуть.

Через несколько месяцев он превратился в роскошного серо-переливчатого красавца с изумрудными глазами. Как-то незаметно Жуть стал всеобщим любимцем, несмотря на его стервозный характер. Впрочем, для кошачьей по-

роды это вполне обычное явление. До сих пор не перестаем удивляться его уму и изворотливости. Правда, временами нам кажется, что мы выкупили его у цыган, потому что любимым занятием кота является регулярно таскать все, что плохо лежит, и прятать в кладовке. Есть подозрение, что потом он это перепродает по спекулятивной цене местным барахольщикам. Носки, небрежно брошенные возле дивана, забытая на тумбочке письменная ручка, вафли с кухонного стола, — все идет в ход. Однажды стащил шоколадную конфету из вазочки и, пока нес до своей нычки, сам не заметил, как сожрал ее. Вместе с оберткой. Потом пришлось лечить его от неудобной болезни. Понос называется.

Жуть обожает играть в соседского бомжа Валерия Эдуардовича. Не проходит и дня, чтобы кот не залез и не покопался в мусорном ведре. Причем присутствие гостей в доме или кого-либо из хозяев в данный момент на кухне его совершенно не смущает. Такое чувство, что ему абсолютно плевать, будет ли он изгнан с позором или нет. Видимо, познал дзен еще в утробе матери. Его снисходительно-насмешливому и полному презрению взгляду можно только позавидовать, когда он с достоинством удаляется в закат, оставив хозяев наедине с бессильной яростью, чувством вины и разоренным ведром.

А еще Жуть хитрый, как старый торгаш, продающий тухлую рыбу на одесском «Привозе». Особенно когда ему что-то от нас надо. Например, чтобы покормили шестой раз за день. На этом моменте тот торгаш должен заплакать и отойти покурить, потому что он таки прожил жизнь, но не познал священного таинства торговли.

По вечерам кот любит сидеть на подоконнике и вести светские беседы с голубем Яшей. Яков передает ему свежие сплетни с окрестностей, пожелания доброго здоровья от Валерия Эдуардовича и место сходимки барахольщиков в ближайший четверг. Общается исключительно через стекло. Тоже хитрый.

Акакий Евстафьевич регулярно передает приветы и просит показать фотографии Жути в разных позах. Включая неприличные. Каждый раз, когда их рассматривает, рыдает от умиления.

Счастье не всегда врывается в твой дом с диким гиканьем и цыганскими плясками. Иногда оно бесшумно ступает на порог на кончиках мягких кошачьих лап. И твоя жизнь уже никогда не будет такой, как прежде. До кота...